

УДК 002.1:94(470)“17/185“

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОКУМЕНТЕ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII–ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.

Евгений Плешкевич,

*главный научный сотрудник Государственной
публичной научно-технической библиотеки
Сибирского отделения Российской академии наук,
д-р пед. наук, доцент (Новосибирск, Россия)
e-mail: ear1966ear@mail.ru*

Раскрыты вопросы инкорпорирования термина «документ» в российские законодательные акты XVIII – первой половины XIX столетия. На основе анализа первоисточников предпринята попытка реконструкции процесса формирования правовых представлений о документе в российской правовой традиции. Рассматривается зарождение первых представлений о документе как самостоятельным виде судебного доказательства в России в начале XVIII ст. Показана процедура формирования правовых свойств документа как разновидности судебного доказательства через институционализацию письменных коммуникаций в судебной сфере.

Выявлено, что процесс формирования правовых представлений о документе протекал в ходе институционализации письменных коммуникаций, включающей в себя защиту от служебного подлога, нормативное регламентирование процессов создания документа и его движения на протяжении всего жизненного цикла, а также регламентирование формуляра документа. Акцентировано значение формирования представлений об экспертизе подлинности документа и его приоритетности как судебного доказательства, обоснована роль в этом процессе перевода письменных коммуникаций в правовой сфере под контроль государства.

Установлено, что к середине XIX столетия в гражданском праве документ стал рассматриваться как разновидность письменных записей, доверие к которым обеспечивалось на институциональном уровне, что позволяло использовать документ в гражданском судебном процессе как неоспоримое доказательство, имеющее преимущество перед религиозной клятвой и свидетельскими показаниями. Именно в правовом контексте документ начинает использоваться в сфере делопроизводства.

Ключевые слова: документ, письменные коммуникации, подлог документа, законодательство

ВВЕДЕНИЕ

Как известно, термин «документ» латинского происхождения. В русский язык, по наблюдениям Н. А. Смирнова, он попал в XVIII столетии из польского и немецкого языков (Смирнов, 1910, с. 109). В документоведческой литературе утвердилось мнение о том, что термин «документ» в русский язык ввел Петр I, переведя его как «письменное свидетельство» (Ларин, 2002). Г. Орлова уточняет при этом, что он вошел в русскоязычный обиход вместе с заимствованием бюрократических порядков и принципов обустройства канцелярии (Орлова, 2013, с. 23). Таким образом, не вполне понятно, каким же образом термин «документ» вошел одновременно в правовую и делопроизводственную практику. Данная статья, которая является продолжением предыдущих исследований (Плешкевич, 2010 (а, б)), посвящена рассмотрению данного вопроса.

МЕТОДЫ

Полученные результаты базируются на применении метода источниковедческого анализа, позволившего определить комплекс первоисточников, необходимых для исследования, метода анализа документов, исторического, сравнительного методов, онтологического подхода.

ЗАРОЖДЕНИЕ ПЕРВЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ДОКУМЕНТЕ В НАЧАЛЕ XVIII СТОЛЕТИЯ

Итак, начнем с того, что термин «документ» был известен в России еще в XVII столетии, о чем свидетельствует переписка российских купцов со шведскими властями (Экономические связи, 1981, с. 117). Однако его инкорпорирование в русский язык и отечественное законодательство началось лишь в следующем столетии. Нам удалось выявить, что один из первых случаев обращения к термину «документ» имел место в договоре о капитуляции Риги в ходе Северной войны в 1710 г. Одно из условий, которое оговаривалась в тексте капитуляции, касалось рижских архивов, актов и дел. В нем проигравшая сторона испрашивала разрешение на вывоз в Швецию *«архивов здешней канцелярии, актов, документов, привилегий, регистратур, писем и книг, также конволюты, принадлежащие здешнему Генерал-Губернаторству Шведскому и Немецкого Стану»* (ПСЗ РИ-1Т. 4. № 2277) (здесь и далее выделение жирным шрифтом и курсив автора. – Е. П.). Из контекста видно, что термин «документ» используется для обозначения наименования вида.

Следующее его употребление имело место в ряде подзаконных актов, регламентирующих имущественные права и отношения. Так, в «Инструкции земским камерирам» (1719 г.) говорится о том, что *«никто не может впредь такие жалованные маетности [владения] и доходы во владение взять прежде, нежели полученные об них подлинные документы в Камер-Коллегии объявлены, и в книгу записаны будут»*, и что в «земской конторе засвидетельственную копию [необходимо] с таких жалованных **документов** записать» (ПСЗ РИ-1. Т. 5. № 3436). В данном случае термином «документ» обозначаются письменные записи, доказывающие право владения.

Самым значимым законодательным актом XVIII столетия, в котором использовался термин «документ», стал Генеральный Регламент (1720 г.). В первой редакции, представляющей собой перевод устава со шведского языка, термин «документ» встречается дважды. Первый раз – при описании методики регистрации. При этом в первоначальной редакции под документами понимают грамоты, доношения, ведомости, а в окончательной редакции – письма, реляции и доклады, адресованные Его Царскому Величеству (Воскресенский, 1945, с. 440, 500). Второй раз – при регламентации мер, направленных на сохранность и предупреждение тайного выноса из коллегии писем и документов, а также подлога и фальсификации протоколов и документов (Воскресенский, 1945, с. 440, 451). Из контекста видно, что термин использовался как обобщающий. В процессе второго редактирования секретарь Коллегии иностранных дел Исаак Веселовский еще в двух статьях заменяет «письма» на «документ» (Воскресенский, 1945, с. 445, 446). Первая замена коснулась новеллы, связанной с методикой ведения конторских регистрационных книг. В процессе последнего, двенадцатого, редактирования данная новелла была дополнена уточнением трактовки документа как *«доказательного письма»*. Мы полагаем, что в определенной степени это было обусловлено нормой из «Инструкции земским камерирам», которая предписывала регистрировать

в конторе копии с засвидетельствованных жалованных документов. Вторая замена коснулась статьи об архивах. В ней первоначальный термин «письма» был исправлен на «документы». В том же обобщающем контексте его использовал И. Веселовский, предлагая к ведению Государственного архива отнести *«документы, государственному правительству внутренним и внешним статским делам, касающиеся»* (Воскресенский, 1945, с. 446). Однако в окончательной редакции регламента от этого положения отказались.

Резюмируя, можно сказать, что термин «документ» попал в русский язык и отечественное законодательство в XVII – начале XVIII вв. Анализ законодательных источников и подзаконных актов показывает, что он, во-первых, пришел из актового языка шведского законодательства, хотя это не отрицает полностью прежней версии, поскольку немецкий язык тогда являлся официальным языком прибалтийских губерний. Во-вторых, он преимущественно использовался в актах, составленных на основе шведского и иного права. Определенным подтверждением этого является то, что в первых редакциях других регламентов термин «документ» не используется. Так, в Регламенте Коммерц-Коллегии говорится о «свидетельственных письмах». В-третьих, было заложено два основных контекста термина «документ»: как судебного доказательства и как обобщающего термина для архивных писем.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ПИСЬМЕННЫХ КОММУНИКАЦИЙ В ПРАВОЙ СФЕРЕ

Начнем с того, что первые упоминания об использовании письменных коммуникаций в российской правовой традиции встречаются в Псковской ссудной грамоте (1467 г.). Возможно, они использовались и ранее в целях передачи информации во времени и пространстве, о чем свидетельствуют термины «память» и «мемория». Однако порядок их использования в качестве судебных доказательств начинает складываться только в XVII в. Определенным признаком этого является появление термина «крепостная запись» или «крепость» как запись, подтверждающая право владения чем-либо. Его первое использование датируется 1629 г. (Словарь, 1981, с. 36). В середине XVII в. в Соборном уложении (1649 г.) устанавливается порядок судебного рассмотрения крепостей. В указе от 21 февраля 1697 г. их использование в качестве доказательств получает дальнейшее развитие. *«А быти [...], – говорится в нем, – вместо судов и очных ставок, розыску же, в крепостных делах по крепостям, а в не крепостных делах по розыску»* (ПСЗ РИ-1 Т. 3. № 1572). Т. е. наличие крепостных записей давало возможность судье выносить решение, основываясь на их содержании, не прибегая к «розыску» других доказательств и улик.

Впервые понятие письменного свидетельства как самостоятельного вида судебного доказательства используется в Уставе воинском (1716 г.). Как известно, он был составлен Адамом Вейде на основе европейских воинских уставов. Письменные свидетельства в Уставе разделяются на две группы. К первой относятся: *1) «явные письма и свидетельства, которые со известия судейского учинены, и находятся записаны, яко в городских книгах, судейских книгах и прочих таких свидетельствующих, через которые судья может доказывать, что такое дело при нем таким образом случилось, [...] 2) или такие письма, которые без судьи поставлены бывають, яко купецкие письма, духовные, мирные письма и рукописания, реверсы и пр.»* (ПСЗ РИ-1 Т. 5. № 3006). Таким образом, в данном случае речь идет о письменных записях, сделанных в ходе предыдущего судебного процесса, либо

о крепостных актах. В случае, если таковые будут признаны правомерными, *«тогда судья, усмотря такое доказывание, может на оное дело приговор учинить»* (Там же). Ко второй группе отнесены все остальные письменные записи, которые не рассматриваются в качестве самостоятельного и достаточного доказательства, т. е. требуют дополнительного подтверждения. *«Письменные свидетельства, прежде не признаются, пока представитель оных в суде за правдивые объявит, и на то присягу учинит»* (Там же). А *«купецкие книги [...] могут токмо вместо половины доказанья служить, и что купец оную свою книгу [должен] во исполнение присягой утвердить»* (Там же). Иными словами они приравниваются к другим вещественным доказательствам.

Переход к термину «документ» был положен в указе 1723 г. «О форме суда» (ПСЗ РИ-1 Т. 7. № 4344). Как известно, его первоначальный проект был составлен лично Петром I с использованием новелл из шведского законодательства. Указом определялся порядок ведения гражданского судебного процесса и порядок предоставления истцами и ответчиками *«письменных документов или доказательств»*. Так, истец обязан был представить челобитную с соответствующими документами. В свою очередь, ответчику предоставлялось время для поездки с целью доставки в суд, так сказать, своих документов. Если он не представлял их суду, то тогда дело разбиралось по обстоятельствам, с использованием других видов судебных доказательств. Этот же контекст находит свое отражение в сенатском указе о возвращении во владение *«по мирному договору в Лифляндии и Эстляндии маентности прямым владельцам, которые кому по правам и по **доказательным документам**, бесспорно, принадлежат»* (1723 г.) (ПСЗ РИ-1 Т. 7. № 4396). В итоге на первый план выдвигается правовое понимание документа. Так, в небольшом словаре иностранных слов, содержащемся в рукописи из библиотеки графа А. Уварова, документ определен как доказательство, а архив – как канцелярские письма (Смирнов, 1910, с. 384).

Каким же образом происходила институционализация письменных коммуникаций, направленная на превращение письменной записи в документ? В ее основе лежала деятельность, связанная с выработкой новых форм по обеспечению доверия к письменным коммуникациям. В первую очередь, она касалась борьбы с подлогом письменных сообщений. Напомним, что первое законодательное упоминание о подлоге встречается в Псковской ссудной грамоте, где говорится, что *«князю и посаднику, [...] лживых грамот и доски обыскавши, правда судом посудит»*, т. е. подложные грамоты и доски, произведя по истине расследование, следует на суде признать подложными (Памятники, 1953, с. 294, 314). Первый известный случай наказания за подлог на Руси относится к 1487/88 г. (Каштанов, 2009, с. 117). Борьба с «подписчиками» началась в русском законодательстве с Судебника Ивана Грозного (1550 г.). С этого времени «подписка» попадает в категорию «лихих дел», т. е. признается тяжким преступлением, находящимся в одном ряду с разбоем и убийством. В Соборном Уложении (1649 г.) борьба с «подписчиками» была направлена на защиту государственных грамот и печатей.

В целях предупреждения подлога письменные коммуникации в правовой сфере переводятся под контроль власти. Так, в XVI–XVII вв. право составления крепостей имели приказные дьяки и площадные подьячие. В начале XVIII в. писание *«всяких крепостей»* переносится в ратуши и приказы. Таким образом, государство берет на себя полный контроль над письменными коммуникациями в правовой сфере. Перенос письменных коммуникаций правового характера в

органы управления приводит к возникновению явления служебного подлога. Борьбе с ним посвящена отдельная глава Генерального регламента, в которой за служебный подлог предусматривается достаточно строгое наказание вплоть до смертной казни, вечной ссылки на галеры с вырывание ноздрей и конфискацией имущества.

В дальнейшем законодательство регламентирует не только саму борьбу с подлогом, но и мероприятия, направленные на его предупреждение. Так, отдельным указом (1735 г.) запрещались *«подчистки, поправки и прибавления в приходных и крепостных книгах (ПСЗ РИ-1 Т. 9. № 6797)*. В указе *«О содержании полковых книг и дел во всякой чистоте и исправности»* (1780 г.) говорится, что *«все полковые дела письменного производства, яко неоспоримые и столько же единственные знаки и доказательства полковых происшествий [необходимо] содержать во всевозможной чистоте и исправности [...] иначе же всякая неисправность, и еще паче перечистка и переправка в книгах и документах, не только послужит ясным доказательством о должностях их нерадения, но наведет гнусное подозрение»* (ПСЗ РИ-1 Т. 20. № 15048). В *«Положении о купеческих книгах»* (1834 г.) отмечается, что *«тот из торгующих, у которого, по роду его торговли, установленных книг не будет, или оные окажутся с поправками, подчистками, вымарыванием и припиской между строк [...] лишается права на предъявление удостоверения и доказательства посредством книг своих спорных дел»* (ПСЗ РИ-2 Т. 9. № 7187).

Постепенно формируются представления об экспертизе подлинности. Ее элементы встречаются в указах *«О порядке исследования подписей на крепостных актах в случае возникшего о подлинности оных спора»* (1677 г.) (ПСЗ РИ-1. Т. 3 № 1732), *«О власти завещателей в распоряжении имения; о составлении и утверждении духовных, и о спору против оных»* (1740 г.) (ПСЗ РИ-1. Т. 11. № 8127). В *«Уставе коммерческого суда для Одессы»* (1808 г.) вводится процедура исследования обстоятельств составления документов в случае их оспаривания противоположной стороной. В итоге полными доказательствами признаются только неоспоримые документы.

В результате начинают формироваться представления о приоритете документа как судебного доказательства. В Правилах приведения к присяге по исковым делам (1827 г.) было отмечено, что присяга может иметь место только в случаях, *«когда недостаточно будет к разрешению дела письменных документов, или свидетельских показаний, но с тем, что тот истец, который не имеет никаких письменных доказательств, ни свидетелей, не должен быть допускаем до присяги»* (ПСЗ РИ-2 Т. 2. № 827). В 1830 г. принимается указ, *«воспреещающий судебным местам основывать решения свои на свидетельских показаниях в делах, где идет принадлежность чего-либо по документам»* (ПСЗ РИ-2. Т. 5 № 3805). В итоге в имущественных спорах устанавливается приоритет документа как судебного доказательства над присягой и свидетельскими показаниями.

Дальнейшее развитие требований к документу как судебному доказательству имело место в *«Учреждении коммерческих судов и Уставе их судопроизводства»* (1832 г.) (ПСЗ РИ-2. Т. 7. № 5360). Это, во-первых, требования к порядку представления документов, которые вне зависимости от вида должны быть предоставлены в подлиннике или засвидетельствованной копии. Во-вторых, это требования к подлинности документа. *«Если по исследованию, – говорится в Уставе, – подлог окажется действительным: то хоть оный заключается в одном только слове, акт или документ не приемлются в доказательство»* (Там же). При этом дело о подлоге передавалось в уголовный суд. В-третьих, требования

к форме (формуляру) документа. «Если в предоставленном для доказательства акте или документе, – говорится в Уставе, – окажется недостаток в существенных принадлежностях, то оный к делу не приемлется. Но если акт заключает в себе недостаток в случайных принадлежностях: то, уставляясь впрочем действительным, не может служить доказательством тех только обстоятельств, кои на таких случайных принадлежностях основаны» (Там же). Таким образом формуляр документа включал принадлежности или, как мы бы сегодня сказали, реквизиты, которые подразделялись на первостепенные и второстепенные. Их наличие или отсутствие обуславливало доказательную силу документа.

В 1860-х гг. статус документа как судебного доказательства был окончательно закреплен в «Уставе гражданского судопроизводства» (1864 г.). Он заключался, во-первых, в том, что содержание письменных документов, установленным порядком совершенных или засвидетельствованных, не может быть опровергаемо свидетельскими показаниями. Во-вторых, свидетельские показания могут быть признаваемы доказательством тех только событий, для которых по закону не требуется письменного удостоверения. В-третьих, содержание совершенных таким образом письменных документов не может быть опровергаемо показаниями свидетелей, за исключением споров о подлоге. Порядок «совершения и засвидетельствования» частных документов был установлен «Положением о нотариальной части» (1866 г.).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя предварительные итоги, можно отметить, что латинский термин «документ» попал в российское законодательство из прибалтийского и шведского в начале XVIII в., хотя отдельные случаи его использования имели место и ранее. На начальном этапе он использовался как вспомогательный, преимущественно в региональном законодательстве прибалтийских губерний. Развитие правовых представлений о документе происходило в процессе создания институциональной формы обеспечения доверия к письменным коммуникациям в правовой сфере, включавшем: 1) уголовное преследование за подлог письменных записей и введение мер по его предупреждению; 2) введение экспертизы подлинности документа; 3) установление государственного контроля над процессами его создания и движения на протяжении всего жизненного цикла, включая архивное хранение; 4) законодательное закрепление требований к формуляру документа.

В итоге к середине XIX столетия в сфере права **под «документом» стали понимать разновидность письменных записей, доверие к которым обеспечивалось на институциональном уровне, что позволяло использовать их в качестве неоспоримого доказательства в гражданском судебном процессе.** Правовое понимание документа привело к постепенному отказу от термина «крепость», который во второй половине XIX столетия меняет свое содержание и начинает трактоваться как нотариальный акт, утверждённый старшим нотариусом (ПСЗ РИ-2. Т. 41. № 43186).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I : редакции и проекты законов, заметки, доклады, доношения, челобитья и иностранные источники. Т. 1 : Акты о высших государственных установлениях. Москва ; Ленинград, 1945. 602 с.

- Каштанов С. М. О наказании фальсификаторов в средние века и раннее новое время на Западе и в России. *Россия и мировая цивилизация*. Москва, 2009. С. 105–123.
- Ларин М. В. Управление документацией в организациях. Москва : Научная книга, 2002. 288 с.
- Орлова Г. Изобретая документ: бумажная траектория российской канцелярии. *Статус документ: окончательная бумажка или отчужденное свидетельство?* Москва, 2013. С. 5–94.
- Памятники Русского права. В 8 вып. Вып. 2 : Памятники права феодально-раздробленной Руси. XII–XV вв. Москва : Юридическая литература, 1953. 443 с.
- Плешкевич Е. А. Формирование научных концепций о документальных формах информации. Правовая и историко-правовая концепции. *Научно-техническая информация*. Серия 1. 2010 (а). № 10. С. 1–9.
- Плешкевич Е. А. Формирование научных концепций о документальных формах информации. Гносеологическая и управленческая концепции. *Научно-техническая информация*. Серия 1. 2010 (б). № 12. С. 1–12.
- Полное собрание законов Российской империи. Первое собрание (1649–1825) в 50 т. Санкт-Петербург, 1830.
- Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание (1825–1881) в 55 т. Санкт-Петербург, 1830–1885.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8 : КРАДА–ЛЯЩИНА. Москва : Наука, 1981. 352 с.
- Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. *Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук*. 1910. Т. 88, № 2. С. 1–399.
- Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке. Ч. 1. Москва, 1981. 296 с.

REFERENCES

- Voskresenskii, N.A. (1945). *Zakonodatelnyye akty Petra I* [Legislative acts of Peter I]: Redaktsii i proektzakonov, zametki, doklady, donosheniya, chelobit'ya i inostranniy istochniki. Vol. 1: Akty o vysshikh gosudarstvennykh ustanovleniyakh. Moscow –Leningrad [in Russian].
- Kashtanov, S.M. (2009). O nakazanii falsifikatorov v sredniye veka i raneye novoye vremya na Zapade i v Rossii [The punishment of forgers in the middle ages and early modern period in the West and in Russia]. In *Rossiya i mirovaya tsivilizatsiya* (pp. 105–123). Moscow: Institut rossijskoj istorii [in Russian].
- Larin, M.V. (2002). *Upravleniye dokumentatsiyey v organizatsiyakh* [Records management in organizations]. Moscow: Nauchnaya kniga [in Russian].
- Orlova, G. (2013). Izobretaya dokument: bumazhnaya trayektoriya rossiyskoy kantselyarii [Inventing document: paper the trajectory of the Russian office]. In *Status dokument: okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo?* (pp. 19–54). Moscow [in Russian].
- Pamyatniki Russkogo prava* (1953) [Monuments of Russian law]. Vol. 2. Pamyatniki prava feodal'no-razdroblennoi Rusi. XII–XV vv. Moscow: Juridicheskaya literatura [in Russian].
- Pleshkevich, E.A. (2010). Formirovaniye nauchnykh kontseptsiy o dokumentalnykh formakh informatsii. Pravovaya i istochnikovedcheskaya kontseptsii. [The formation of scientific concepts on the documentary forms of information. Legal and source-study concept]. *Nauchno-Technicheskaya Informatsiya*. Seriya 1, 10, 1–9 [in Russian].
- Pleshkevich, E.A. (2010). Formirovaniye nauchnykh kontseptsiy o dokumentalnykh formakh informatsii. Gnoseologicheskaya i upravlencheskaya kontseptsii [The formation of scientific concepts on the documentary forms of information. Epistemological and managerial concepts]. *Nauchno-Technicheskaya Informatsiya*. Seriya 1, 12, 1–12 [in Russian].
- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (1830). Pervoye sobraniye [Full collection of laws of the Russian Empire. Initial meeting] (1649–1825) (Vol. 1–50). St.Petersburg [in Russian].

- Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii* (1830–1885). Vtoroye sobraniye [Full collection of laws of the Russian Empire. Second meeting]. (1825–1881). (Vol. 1–55). St.Petersburg [in Russian].
- Slovar russkogo yazyka XI–XVII vv.* (1981). [Dictionary of Russian XI–XVII centuries] Vol. 8 : KRA-DA–LYASHCHINA. Moscow: Nauka [in Russian].
- Smirnov, N. (1910). Zapadnoye vliyanie na russkiy yazyk v Petrovskuyu epokhu [Western influence on the Russian language in the Peter's era]. In *Sbornik Otdeleniya russkogo yazyka i slovesnosti Imperatorskoi akademii nauk* (Vol. 88, No 2, pp. 1–399) [in Russian].
- Ekonomicheskiye svyazi mezhdru Rossiyei i Shvetsiyei v XVII veke* (1981). [Economic relations between Russia and Sweden in the XVII century] (Vol.1). Moscow [in Russian].

УДК 002.1:94(470)”17/185”

Євген Плешкевич,

головний науковий співробітник Державної
публічної науково-технічної бібліотеки
Сибірського відділення Російської академії наук,
д-р. пед. наук, доцент (Новосибірськ, Росія)
e-mail: eap1966eap@mail.ru

ФОРМУВАННЯ ПРАВОВИХ УЯВЛЕНЬ ПРО ДОКУМЕНТ У РОСІЙСЬКІЙ ІМПЕРІЇ У XVIII – ПЕРШІЙ ПОЛОВИНІ XIX СТ.

Розкриті питання інкорпорування терміна «документ» в російській законодавчі акти XVIII – першої половини XIX століть. На підставі аналізу первинних джерел здійснено спробу реконструкції процесу формування правових поглядів на документ у російській правовій традиції. Розглядається зародження перших уявлень про документ як самостійний вид судового доказу в Росії на початку XVIII ст. Показана процедура формування правових властивостей документа як різновиду судового доказу через інституціоналізацію письмових комунікацій у судовій сфері.

Виявлено, що процес формування правових уявлень про документ проходив у рамках інституціоналізації письмових комунікацій, що включало в себе захист від службової фальсифікації, нормативну регламентацію процесів створення документа та його руху впродовж усього життєвого циклу, а також регламентацію формуляра документа. Акцентовано значення формування уявлень про експертизу автентичності документа та його пріоритетність як судового доказу, обґрунтована роль у цьому процесі переведення письмових комунікацій у правовій сфері під контроль держави.

Встановлено, що до середини XIX століття в цивільному праві документ почав розглядатися як різновид письмових записів, довіру до яких було забезпечено на інституційному рівні, що давало змогу використовувати документ у цивільному судовому процесі як незаперечний доказ, що має перевагу перед релігійною клятвою та показаннями свідків. Саме в правовому контексті документ починає застосовуватися у сфері справочинства.

Ключові слова: документ, письмові комунікації, фальсифікація документа, законодавство.

UDC 002.1:94(470)”17/185”

Evgeniy Pleshkevich,
*Leading Researcher of State Public Scientific and
Technological Library, Siberian Division of Russian
Academy of Sciences, Dr. Hab. in Pedagogical
Sciences, Assistant Professor (Novosibirsk, Russia)
e-mail: eap1966eap@mail.ru*

THE FORMATION OF LEGAL IMAGINATIONS ABOUT THE DOCUMENT IN RUSSIAN EMPIRE OF THE XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY

Issues of incorporation of the term «document» into Russian legal acts of the XVIII – first half of the XIX century are disclosed. On the basis of the analysis of the primary sources it was made an attempt to reconstruct the process of forming legal concepts about the document in the Russian legal tradition. The beginnings of the first conceptions of the document as an independent form of judicial evidence in Russia at the beginning of the XVIII century are considered. The procedure of forming the legal properties of the document as a type of judicial evidence through the institutionalization of written communications in the judicial sphere is shown.

It was revealed that the process of the formation of legal imaginations about the document took place during the institutionalization of written communications, which included protection from service falsehoods, normative regulation of the processes of creating a document and its movement throughout the life cycle, as well as the regulation of the document form. The importance of forming views on the examination of the authenticity of the document and its priority as judicial evidence is emphasized, the role of the translation of written communications in the legal sphere under the control of the state in this process is substantiated.

It was established that by the middle of the nineteenth century the document in the civil law was considered to be a type of written record, the trust to which was ensured at the institutional level, what allowed to use the document in civil litigation as an indisputable evidence, which had the advantage above religious oath and testimony. Precisely in the legal context the document begins to be used in the sphere of clerical work.

Key words: document, written communication, forgery of a document, legislation.